

Глава первая

Утренняя Прага пахла мокрым булыжником и горячей сдобой. В конце мая в городе стояла небывалая, тропическая жара. К полудню столбик огромного термометра на башне старинной ратуши подскакивал вверх до тридцати шести градусов. Наступивший день обещал быть знойным, потным, тяжелым. Но пока было раннее свежее утро. Улицы городского центра еще не наполнились толпами людей и машин, радостно щебетали воробьи, от умытой брусчатки веяло прохладой.

Полупустой трамвай неторопливо пересек площадь и грохотнул на повороте. Мужчина лет тридцати, сидевший на заднем сиденье первого вагона, сильно вздрогнул и пробормотал себе под нос по-русски:

— Почему?! Ну почему?!

Соседка, пожилая пани с клеенчатой сумкой на коленях, удивленно скосила глаза. Она увидела вздыбленный ежик темно-русых волос, мягкий курносый профиль, бледную щеку с неприятной трехдневной щетиной.

Молодой человек достал несвежий носовой платок и стал натужно сморкаться. Он страдал аллергией на тополиный пух, слизистая носа распухла, глаза слезились. Он почти не мог дышать, особенно когда нервничал. А сейчас он не просто нервничал — психовал, сходил с ума. Ему казалось, что шея окаменела. Надо было повернуть голову, взглянуть

сквозь заднее стекло во второй прицепленный вагон. Оттуда, из пустой кабины водителя, на него смотрели спокойные, немигающие глаза убийцы. Надо было убедиться, что это мираж, бред, последствие бессонной ночи. Надо было всего лишь оглянуться. Но шея окаменела.

— Прishiшти заставка Инвалидовна! — сладко зевнув, сообщил в микрофон кондуктор.

В детстве, проезжая мимо трамвайной остановки со странным для русского уха названием, Денис Курбатов каждый раз усмеялся.

— Это бабулька, старая-престарая, с клюкой. Инвалидовой зовут, — говорил Денис брату.

— Нет, — возражал Антон, — это тетка средних лет — толстая, косолапая, злющая.

Они пробирались к выходу, на следующей надо было выходить. По этому маршруту два года они ездили в чешскую школу. Особым шиком считалось придержать раздвижные двери и спрыгнуть на брусчатку мостовой в самый последний момент, когда трамвай уже трогался. Если водитель или кондуктор замечали такие безобидные детские шалости, они начинали громко ругаться в микрофон. По-чешски бранные слова звучали смешно и необидно.

Про Инвалидовну они придумывали разные истории, рисовали ее уморительные портреты. Это была одна из их любимых игр. Все свое детство братья Курбатовы, погодки, старший Антон и младший Денис, играли только друг с другом. Чешские мальчики и девочки сторонились их со странно-взрослой вежливостью. Шел 1976 год, но память о советских танках была еще жива. Одноклассники Дениса, дети шестьдесят восьмого года рождения, разумеется, ничего помнить не могли. Но брезгливый ужас перед стальными монстрами, прущими с грохотом по узким улочкам родного города, эти дети впитали с материнским молоком.

Отец, Владимир Николаевич Курбатов, был направлен в Злату Прагу, в сердце Европы, именно тогда, в 1968-м. Он

преподавал марксизм-ленинизм и историю КПСС в Пражском университете, являлся доктором общественных наук, подполковником КГБ. Чешским языком Владимир Николаевич владел свободно, выучил его в Институте международных отношений. И сыновей своих отдал не в русскую школу при посольстве, а в чешскую — во-первых, для того, чтобы как следует знали язык, а во-вторых, чтобы учились преодолевать трудности, с детства привыкали к чужой среде. Он готовил мальчиков к дипломатическо-шпионской карьере и никаких возражений не терпел...

Сквозь толстые трамвайные стекла взгляд убийцы жег Денису Курбатову затылок. Струйка холодного пота быстро пробежала под ворот мятой льняной рубашки. Трамвай остановился, пожилая пани с клеенчатой сумкой спохватилась, неуклюже поднялась и направилась к выходу. Краем глаза Денис увидел, как пани неловко переваливает ногу в растоптанной туфле с высокой трамвайной ступеньки на мокрую, блестящую брусчатку. Через минуту, когда двери стали медленно закрываться, он вскочил, со смутной паникой вспоминая детскую забаву, раздвинул двери слабыми, дрожащими руками и выпрыгнул на ходу.

Трамвай тяжело двинулся по рельсам. Водитель и кондуктор хором ругались ему вслед по-чешски. Он бежал по мокрой улице, мимо открывающихся фруктовых и мясных лавок, мимо распахнутых дверей утренних тихих кофеен, мимо темно-серого пятиэтажного здания школы, в которой проучился когда-то два года. Он бежал очень быстро, не оглядываясь. Редкие прохожие провожали его удивленными взглядами.

Он помнил с детства, что где-то здесь, в переулке, неподалеку от школы, между табачным магазином и парикмахерской, должен быть проходной подъезд. Он даже узнал этот дом, с парадным ходом на улицу, с черным ходом в тихий дворик. Но дверь парадного подъезда теперь оказалась стальной, с маленькой коробкой домофона. Бессмысленно

взглянув на кнопки с цифрами, он сделал несколько шагов, уже медленно, почти спокойно.

В открытой двери парикмахерской стояла, прислонившись к косяку, полная девушка в сиреновом халатике с чашкой кофе в одной руке и с половинкой поджаристого рогалика в другой.

— Прощу, пан, проходите, доброе утро, — сказала она по-чешски и ласково улыбнулась.

Он шагнул в приторный запах лака и одеколona, рухнул в вертящееся кресло. Из огромного зеркала на него смотрел чужой, за одну ночь постаревший, очень бледный человек, с черными кругами под глазами, с заросшими, ввалившимися щеками.

Пани в халатике быстро доела свой рогалик с маслом, одним глотком допила кофе и возникла в зеркале у Дениса за спиной.

— Пана побрить? Стричь не надо? — спросила она, быстрыми легкими движениями заправляя крахмальную простыню под ворот его рубашки.

— Да. Только побрить, — ответил он хрипло по-чешски, — стричь не надо.

— В общем, и нечего пока стричь, — улыбнулась пани, прикасаясь прохладными пальчиками к его вздыбленным, очень густым и коротким волосам, — такой ежик пану к лицу. Мне нравится, когда у мужчины короткая стрижка. — Она хохотнула и стала взбивать помазком мыльный крем в фарфоровой чашке.

Он немного успокоился. В зеркале отражалось широкое открытое окно. За окном был виден кусок улицы как на ладони. Не поворачивая головы, он мог наблюдать за прохожими. Вот промелькнул банковский служащий в строгом сером костюме, молоденькая мамаша в шортиках прокатила прогулочную коляску. У годовалой девочки на голове была яркорозовая соломенная шляпка. Потом не спеша прошел мимо окна старик трубочист в черном цилиндре. Денис вспомнил,

как нравились ему в детстве эти сказочные пражские трубочисты. В старинном городе много каминов, и трубы чистят все так же, как триста лет назад. Однако сейчас, в конце мая, вряд ли кто-нибудь разжигает камин душными вечерами...

Трубочист взглянул в окно, кивнул парикмахерше. Она улыбнулась в ответ и крикнула: «Доброе утро, пан Сташек!»

И тут голова Дениса резко дернулась. Лезвие скользнуло по щеке, оставив на коже тонкий глубокий порез. Сквозь белоснежную пену просочилась струйка крови. Денис не почувствовал никакой боли, но от вида собственной крови на мыльной пене его затошнило.

— Ах, простите, пан так неожиданно повернулся, я сейчас... простите, — заволновалась девушка и стала аккуратно стирать стерильной салфеткой пену с его щеки.

Убийца появился сразу, вслед за трубочистом. Он остановился прямо у окна парикмахерской и закурил, спокойно глядя в зеркало, на Дениса. Их глаза встретились. Денису показалось, что по молодому черноусому лицу скользнула тень усмешки.

«Это убийца, преступник! — хотел выдохнуть он в чистое личико девушки, которая осторожно протирала порез на его щеке ваткой с перекисью. — Вызывайте полицию, срочно!»

Но он не сказал этого. Он не мог оторвать глаз от зеркала. Там, за его спиной, маячило черноусое лицо и мягко слоился на утреннем солнце дымок сигареты.

— Проминте просим, пани, — прохрипел он еле слышно, — здесь есть где-нибудь поблизости факс?

— Да, очень близко, за углом, на Кленовой улице, офис туристической компании. Оттуда можно недорого отправить факс.

Парикмахерша очень осторожно добрила его щеку, нежно поскребла лезвием по подбородку, стерла пену с лица.

— Пан желает массаж или маникюр? — спросила она, промокая его подбородок салфеткой с одеколоном.

Лишь на секунду Денис прикрыл глаза, просто моргнул. А когда опять уставился в зеркало, убийцы за окном не

было. Только слабая струйка дыма поднималась от плохо затаптанного окурка.

— Нет, спасибо, больше ничего не нужно.

— Двадцать четыре кроны, — немного обиженно сообщила девушка.

— Простите, где у вас туалет? — спросил он, доставая деньги из поясного портмоне.

На этот раз ему повезло. В маленькой кабинке было окно, густо замазанное масляной краской. Дернув шпингалет, он перемахнул через низкий подоконник и очутился в глухом безлюдном дворике. Сначала ему показалось, что это тупик, дворик окружен домами с четырех сторон, и выхода нет. Но потом он заметил маленькую, заставленную мусорными контейнерами арку.

Он присел на корточки за одним из контейнеров, не чувствуя помойной вони, стараясь оставаться в тени, оглядел кусок улицы. Ему показалось, что все спокойно. Чернорусый убийца опять потерял его. А может быть, тот парень за окном был просто похож на убийцу? Может, там стоял и курил совсем другой человек? Ведь глаза болят и слезятся от аллергии, к тому же бессонная ночь, пережитый ужас... И никто не сверлил ему затылок ледяным взглядом сквозь трамвайные стекла. Померещилось. На самом деле он оторвался от убийцы еще несколько часов назад, на Центральном вокзале. Или все-таки нет?

Денис покинул подворотню и быстро, пружинисто зашагал по тенистой стороне узкой улицы. Хотелось есть. Это хороший признак — значит, опасность действительно миновала. Он с раннего детства чувствовал опасность животом.

* * *

Антон Курбатов нажал кнопку отбоя и тут же опять набрал восьмерку, потом код Праги. Задрезбуждали протяжные гудки.

— Дениска, ну где тебя черт носит! — проговорил он в гудящую трубку, подождал еще немного, полистал толстую записную книжку, закурил.

Он сидел голышом в огромном кожаном кресле. За окном гудел утренний Кутузовский проспект. Московское майское солнце пробивалось сквозь тяжелые шелковые портьеры.

— Я же просила тебя не курить в комнате! — На пороге появилась высокая худая женщина лет сорока в прозрачном пеньюаре. — И вообще, кончай звонить в Прагу, мне потом счета придут баксов на сто.

— Извини, — буркнул Антон, но сигарету не загасил и опять стал набирать пражский код. На этот раз трубку взяли очень быстро.

— Проминте просим, пани, — заговорил Антон почешки, — пан Денис Курбатов живет у вас в гостинице, в тридцать девятом номере. Да, я знаю, как позвонить в номер. Но там никто не отвечает вторые сутки. Да, спасибо. Я перезвоню через полчаса, если позволите.

Столбик пепла упал на дорогой пушистый ковер. Женщина выхватила сигарету из его руки.

— Никуда ты перезванивать не будешь! — заявила она. — Мне это надоело! Сегодня Вовчик прилетает, а ты мне здесь свинячишь, да еще за бугор названиваешь за мой счет!

— Га-лю-ша, не заводись! — Антон быстро взглянул на часы, мягким кошачьим движением соскочил с кресла, опрокинул Галюшу прямо на ковер и стал ловко расстегивать перламутровые пуговицы пеньюара.

— Ты думаешь, если ты такой великий трахатель, тебе все можно? — Галюша игриво шлепнула его по мускулистой голый заднице. — Найдется твой братец, никуда не денется, — прошептала она уже с придыханием, с закрытыми глазами.

Ровно через полчаса Антон опять набирал код Праги. Галюша, скорчив притворно-гневную гримаску, отправилась в ванную.

— Что вы говорите, пани? Вторую ночь не ночует в номере? А горничные не могли ошибиться, перепутать? Да, простите. Я понимаю. До какого числа оплачен номер? То есть еще два дня? Огромное вам спасибо. Пожалуйста, если он появится, передайте ему записку, звонил брат из Москвы. Номер телефона и факса фирмы поменялся. Я буду сам ему звонить. Еще раз благодарю.

Положив трубку, он опять закурил, задумчиво глядя в окно.

* * *

Все-таки хорошо, что у него интуиция, словно у экзальтированной дамочки. У мужчин это редко бывает. Даже сны ему снятся вещие, иногда становилось страшно: чувствуешь опасность, вот она, за поворотом, через минуту... Это нельзя объяснить словами, просто желудок сжимается, сердце бухает глухо и медленно.

Так было вчера, ранним вечером, когда он сидел в пивном ресторане «У Флэка», праздновал фантастическую шальную удачу, в которую сам пока что верил с трудом. Хотелось ущипнуть себя и спросить: «Я не сплю? Это правда?..»

За соседним столом шумно гуляли немцы-туристы, хором горланили тирольские песни, громыхали пудовыми кружками. Денис невольно следил, как высокий тощий парнишка у черной от времени пивной бочки разливает янтарную «деситку» — светлое десятиградусное пиво. Парнишка был как будто частью конвейера, одна его рука непрерывно двигала кружки, другая закрывала и открывала медный кран. Денис знал, что этой пивной восемьсот лет, ни на один день за восемь веков она не прекращала работу. И рецепты пива все те же. До сих пор пивовары проверяют качество напитка древним способом: выливают на дубовую скамью, садятся в пивную лужу в кожаных штанах, по пять-шесть человек. Посидят немного, потом встают одновременно.

Если тяжеленная лавка поднимается вместе с ними, значит, пиво хорошее.

Злата Прага потому и осталась золотой, что во всех войнах сразу сдавалась на милость врагу. Турки, крестоносцы и прочие завоеватели, которых было немало за тысячелетие, не трогали чудесный город, не разрушали дома и соборы. Как было все, так и сохранилось — Карлов мост, собор святого Вита, кривые улочки Стара Мяста. Черная брусчатка Вацлавской площади помнит, как горели на кострах инквизиции знаменитые на весь мир пражские алхимики. И эта древняя пивная, все с теми же столами, бочками, лавками, все с той же «деситкой» и «дванадцаткой» — тоже символ вечности. Может, тощий парень в кожаном переднике так и стоит, разливая пиво уже восемьсот лет?

Поймав вилкой последний кнедлик, размокший в мясном жирном соусе, глотнув черной «дванадцатки», Денис вдруг застыл. Почему? Откуда взялось это знакомое чувство опасности? Сначала он подумал, что зря заказал свое любимое двенадцатиградусное пиво. Слишком оно крепкое, валит с ног, туманит голову. Разница всего-то в два градуса, но если пьешь пятую кружку... А голова должна быть ясной. Почему? Ведь он празднует самое невероятное везение, которое может выпасть человеку. Зачем же ему сейчас ясная голова? Затем, что из глубины полутемного зала следят за ним чьи-то странные, неподвижные глаза.

Денис попытался разглядеть лицо сквозь клубы табачного дыма, но заметил только аккуратные черные усы, могучую шею и мятый пиджак, надетый на черную футболку.

«Что ж он так уставился? Может, просто “голубой”? Много их ошивается по пивным, туристический сезон давно открылся...»

Однако он тут же понял, что врет самому себе, пытается спрятать голову в песок, как глупый страус. Никакой это не «голубой». Это турок, киллер. Денис уже видел его однажды в аэропорту в Анкаре. Тогда удалось уйти, и это было чудо.

Его вели двое, молодой и старый. Вот он, молодой, черно-усый... Профессионал он или нет, неважно. Все равно убьет.

Они целый год за ним охотились. А он, дурак, думал, их всех взяли... Ведь был телерепортаж... Ну как не поверить репортажу? Корреспондент из Анкары очень убедительно рассказывал, что всех их арестовал Интерпол, словно Дениса Курбатова лично утешал с телеэкрана.

Однако так не бывает, чтобы всех... Вот он, один из них, в глубине зала, сверлит Дениса своими угольно-черными турецкими глазами. Это можно было предвидеть, да что толку? Телехранителей нанять? В бронированный бункер засесть? Рано или поздно они бы все равно достали его — в Москве ли, в Париже, в Праге, на Северном и Южном полюсе, на дне океана. А так он хотя бы год прожил спокойно. Хотя бы год. И на том спасибо...

Но почему именно сейчас? Может, одно с другим как-то связано? Да нет, ерунда... А если и за Антошкой в Москве тоже идет «хвост»? У Антошки нет такой острой интуиции, он не просечет опасность вовремя. От одной только мысли об этом Дениса передернуло. Остается надеяться, что до брата они не доберутся. Зачем им? В конце концов, Антон к той истории не имеет отношения. Им нужен Денис. Его хотят они убить. И понятно, за что. А брата не тронут.

Немного успокоившись, Денис Курбатов подозвал официанта, расплатился, оставил щедрые чаевые и не спеша направился к выходу. Ничего, он отлично знает старый центр, он сумеет уйти, запутать убийцу в узких средневековых улочках. Он ведь родился в этом городе. Главное, все время быть в толпе, держаться людных мест. Вряд ли убийца решится стрелять в толпе. Или у него нож?

Нельзя ни в гостиницу, ни в офис филиала фирмы, нельзя на автостоянку, где он оставил машину. Там могут ждать. Вполне вероятно, убийца не один.

И началась изнурительная гонка по самому красивому городу мира. Денис любил этот город, знал историю каждой

улочки в старом центре, ему было здесь уютно и хорошо. Но только не сейчас.

Настала ночь, народу становилось все меньше. Денис затесался в группу английских туристов, медленно прошел Карлов мост. Туристы шумно загружались в автобус. Он огляделся и понял, что стоит один под ярким фонарным лучом, как живая мишень; мотнулся в темноту, нашел глазами небольшую группу молодежи, кинулся к ним. Это были студенты из Амстердама. Ему тут же предложили сигарету с марихуаной. Он отказался.

Иногда черноусый убийца мерещился ему за поворотом, в тени цветущей липы, за пьедесталом конной статуи в глубине Стара Мьяста. Черные немигающие глаза отражались в витринном стекле сувенирной лавки. Знаменитые куранты на Старомьястской ратуше пробили полночь. Медленно заскользили по кругу фигуры двенадцати апостолов. Головы редких прохожих были подняты вверх, а Денис опять почувствовал ледяной взгляд. Черноусый человек в льняном пиджаке, единственный на всей площади, глядел в эту минуту не на знаменитые часы с готическими фигурами, а на Дениса Курбатова.

Иногда ему казалось, что убийца его потерял, совсем потерял. Он ведь иностранец. Откуда турку знать улицы старой Праги? Денис вздыхал с облегчением. Он сразу, как только заметил и узнал убийцу, рассудил, что прежде всего надо оторваться, а потом уж принять решение, как быть дальше — лететь ли в Москву, осесть ли здесь, в Праге, переждать в укромном месте. Или вообще рвануть куда-нибудь в Братиславу или Брно, туда, где они ждать его не могут.

Но сначала надо оторваться. А он не мог. После полуночи шансов спастись было все меньше. Улицы стали пустынными. Автобусы с туристами отчаливали один за другим. Надо было срочно менять тактику. Он решил отправиться на Центральный вокзал. Поймал такси. Сквозь зеркало заднего вида он заметил, как успел вскочить в другое такси черноусый убийца.